

сприятия тех вредных, с точки зрения церкви, взглядов, которые были близки, безусловно, не одному Курицыну.

Если идея «самовластия души» «Повесть о белом клобуке» противопоставляла необходимость веры, то против тезиса о «самовластии ума» она выдвигала силу церковного авторитета и предания. «Повесть» осуждала как «путь сатанин» «гнилое буйство», противное богу.

Таким образом, идейная направленность «Повести о белом клобуке» заключалась не только в обосновании мысли о том, что власть церковная выше гражданской, не только в стремлении поднять «новгородское православие» над московским,¹⁰ но и в наступлении на еретиков (пусть, употребляя терминологию Лурье, не прямо, а косвенно).

Известен ритуал позорной казни, которой подверг в 1490 г. архиепископ Геннадий новгородских еретиков. Их облачили в особый шутовской наряд, посадили на коней «в седла ючные», лицом к конским хвостам, чтобы они смотрели на запад «в уготованный им огонь», на головы им надели берестяные остроконечные шлемы с соломенными венцами, с надписями: «Се есть сатанино воинство». В таком виде еретиков провели по городу, надругаясь над ними как «врагами божьими» и «хулиателями христианскими», а затем сожгли у них на головах шлемы.¹¹

Известно, сам изобрел или откуда-то позаимствовал Геннадий изложенный церемониал. Может быть, его воодушевил пример «шпанского короля», который, по словам архиепископа, «свою очистил землю» от еретиков.¹² Нас интересует сейчас другое — антитеза белого клобука как символа верховного духовного сана, освященного божественной благодатью, и бесовских шлемов, водруженных на главы тех, кто входил в состав «сатанинского воинства». Огонь истребил эти шлемы, в то время как белый клобук, чудесно спасшийся от всех козней, навечно утвердился в качестве головного убора новгородских архиепископов. Если связывать создание «Повести о белом клобуке» с инициативой Геннадия, то подобная антитеза покажется не надуманной, а действительно отвечающей идейному замыслу ее автора или авторов.

Выше говорилось о наличии антикатолических тенденций в тексте «Повести». Это как будто противоречит настроениям геннадиевского окружения, поддерживавшего связи с католиками. К Геннадию были близки греки-униаты — братья Дмитрий и Юрий Траханиоты, игравшие значительную роль в распространении католического влияния на Руси.¹³ При дворе Геннадия жил монах-доминиканец Вениамин.¹⁴ До нас дошла запись рассказа императорского посла Георга фон Турна Геннадию об испанской инквизиции. В этой записи с одобрением говорится о том, что «слава деи и хвала того шпанского короля пошла по всем землям по латинской вере, что на лихих крепко стоит, да уже деи в его землях лихих мало чюти».¹⁵

¹⁰ В 1489 г. архиепископ Геннадий писал бывшему архиепископу ростовскому Иоасафу: «... как бы вам мнится, Новгород с Москвою не едино православие» (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Источники, стр. 317).

¹¹ Н. А. Казакова и С. Я. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Источники, стр. 472.

¹² Там же, стр. 378; ср. мнение Я. С. Лурье: там же, стр. 130.

¹³ А. Д. Седелъников. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в.— Доклады Академии наук СССР, М.—Л., 1929, серия В, № 1, стр. 16.

¹⁴ А. Д. Седелъников. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина.— ИОРЯС (1925), т. XXX, Л., 1926, стр. 205—225.

¹⁵ А. Д. Седелъников. Рассказ 1490 г. об инквизиции.— В кн.: Труды Комиссии по древнерусской литературе. М.—Л., 1932, стр. 33—57.